

ОРФЕЙ МЕНДЕСС

ХОЛОДНЫЕ ОГНИ СВОБОДЫ

Том 2

18+

Орфей Мендесс

Холодные огни свободы Том 2

<https://litres.ru/74126332>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он был принцем Империи, которая украла у него душу. Ребёнком он видел, как его отец, кибер-бог Атмос, сбрасывает невинных в бездну Юпитера. Тогда в его сердце зажглась искра.

Двадцать лет он вёл тайную войну против тирании отца. Он дарил свободу рабам и сеял хаос в генетическом коде идеальных солдат. Но Империя не прощает. Враги носят лица друзей, а предательство носит белый халат учёного.

Теперь, когда имплант «Омега-нуль» выжег в его мозгу самую способность ненавидеть, у него есть лишь одна цель: система Kepler-442. Он поведёт к звёздам колонистов, в чьих генах спит бунт, который он сам заложил. Но помнит ли он ещё, зачем?

Бунт, который начинается как пожар, заканчивается холодом вечности.

Содержание

Книга 3. Дариус: Омега-ноль	4
Глава 1. Канарейка в клетке	4
Г	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Орфей Мендесс

Холодные огни свободы Том 2

Книга 3. Дариус: Омега-ноль

*«Слишком высоко ценить доброту — значит
быть обманутым; но не ценить её совсем — значит
жить среди волков, в пустыне.»*

Джон Рёскин

Глава 1. Канарейка в клетке

Он проснулся не от света и не от собственной воли, а от звука — тонкого, вибрирующего сигнала, встроенного в висок. Личный имплант вежливо, но настойчиво сообщил: 07:00 по циклу Верхнего города. Девять часов глубокого, бессознательного сна, предписанного регламентом для его возраста, сделали своё дело. Тело было послушным, отдохнувшим, готовым к новому дню служения Империи.

Сознание же цеплялось за остатки сна. Ему снились облака. Не холодные, циклопические вихри Юпитера, что клубились за толстым стеклом куполов, а невесомые, перистые об-

лака утренней Земли, которые он видел только в стерео-хрониках. Во сне они были тёплыми и пахли... свободой. Но запах исчез, как только он открыл глаза.

Дариус сел на узкой кровати. Комната принца дома Атмоса была спартанской — так было заведено, чтобы с детства приучать к дисциплине. Белые стены, серая мебель, встроенный терминал. Ничего лишнего. Только окно. Огромное, от пола до потолка, оно выходило прямиком в бездну.

Он подошёл к стеклу и прижался к нему лбом, сразу запотевая холодную гладь. Внизу, на высоте доброго километра, раскинулся Средний уровень. Даже отсюда, из «Золотой Спирали», он не видел дна — только бесконечные ярусы, опоясанные транспортными артериями, мосты, переполненные муравьиными фигурками дворфов в серых комбинезонах. Огни, огни, огни... и ни одного тёплого. Город гудел. Эта низкая, вибрирующая нота гравитационных якорей была здесь повсюду, она проникала в кровь, в кости, в мысли. Тишины не существовало. Тишина была аномалией.

Дариус отлип от окна и подошёл к шкафу в дальнем углу. Форма висела идеально выглаженная, как и вчера, и позавчера. Белая рубашка с золотыми запонками, на которых выгравирована малая руна дома Атмоса. Красные брюки с чёрными, утяжелёнными швами — символ груза ответственности. И редингот. Тяжёлый, тёмно-бордовый, почти чёрный, с алым отливом.

Он застегнул последнюю пуговицу и замер перед зерка-

лом. На левой стороне груди золотом горел герб. Меч и молот, скрещённые внутри идеальной шестерни. Символ порядка, труда и защиты. Над шестернёй — роза. Но не та, что дарили в старых фильмах. Её стебель был увит шипами, такими длинными и острыми, что они пронзали лепестки, и с каждого острия, застыв рубиновой каплей, сочилась кровь.

Дариус несколько секунд смотрел на этот герб. Учитель говорил, что кровь — это жертва, которую каждый дворф должен быть готов принести ради стабильности Империи. Дариусу же казалось, что розе просто больно.

В комнату вошли без стука. Только лёгкий шорох серой мантии и тяжёлый вздох возвестили о появлении наставника. Карлак был стар. Настолько стар, что даже сам не помнил точно года своего пробуждения. Он принадлежал к самому первому поколению, тем, кого Атмос выковал ещё на заре Империи, когда люди и дворфы только начинали забывать, кто из них кузнец, а кто — творение. Ростом он был едва ли полтора метра, седые волосы редкими прядями обрамляли лысый череп, а лицо пересекала сеть морщин — редчайший признак естественного старения, дозволенный лишь самым заслуженным слугам.

— Ваше Высочество, вы готовы? — голос у Карлакса был сухим, как пергамент, которым когда-то пахли древние книги.

Дариус обернулся. Скука, всего секунду назад давившая на плечи, мгновенно улетучилась, сменившись знакомым,

распирающим изнутри любопытством. Глаза его загорелись.

— Да, Карлакс! — выпалил он, подбегая к наставнику. — Чем мы сегодня займёмся? Мы пойдём в генные лаборатории? — он запрыгал на месте, не в силах сдержать энергию. — Я хочу посмотреть, как выводят новую партию пилотов для скифов! Или в космопорт! Говорят, с Титана пришёл транспорт с настоящими людьми! — голос его срывался на восторженный фальцет. — А может, на военный склад? Мне обещали показать новую плазменную турель!

Карлакс смотрел на него с непроницаемым лицом, за которым старый дворф научился прятать всё — и усталость, и, возможно, что-то похожее на печаль. Принц был слишком... живым. Это было неправильно.

— Сегодня, Ваше Высочество, — с лёгким поклоном произнёс он, — мы будем изучать принципы управления гео- и био-модулями атмосферных городов.

Энтузиазм на лице Дариуса погас так же быстро, как и вспыхнул. Плечи поникли.

— Какая ску-у-ука, — протянул он, и в этом слове была вся тоска десятилетнего мальчика, запертого в самом сердце идеального, но такого пресного мира.

Он обиженно засопел и, не дожидаясь наставника, выбежал в коридор. И сразу же споткнулся об атмосферу дворца. Ослепительно-белый свет, лившийся из потолочных панелей, заливал стены, обитые тканью глубокого, почти чёрного красного цвета. Цвета запёкшейся крови. Белое и крас-

ное. Стерильность и жертва. Это сочетание преследовало его повсюду, с самого рождения. Оно было настолько привычным, что мозг давно перестал замечать его чудовищность. Коридор уходил в бесконечность, убегая к гравитационным лифтам, и Дариус рванул вперёд, надеясь убежать от скуки хотя бы так.

— Ваше Высочество! — донеслось сзади. Карлак семенил следом, его сухие шаги эхом разносились по мрамору. — Принц Дариус! Не могли бы вы идти помедленнее? Мои старые ноги... они уже совсем не слушаются приказов.

Дариус резко развернулся на каблуках и, пятясь задом, прокричал с озорной улыбкой:

— Учитель Карлак, не отставайте! Гравитация Юпитера не щадит стариков! — он сделал ещё несколько прыжков назад. — Вам полезно больше бегать! Давайте наперегонки до лифта?

Не дожидаясь ответа, он сорвался с места и через несколько секунд уже стоял у матовых створок лифта, тяжело дыша, но счастливый. Победа была лёгкой. Он подпрыгивал на месте, бросая взгляды в конец коридора, откуда медленно, с трудом переставляя ноги, приближался Карлак. Минута ожидания показалась ему вечностью. Чтобы хоть чем-то заняться, он трижды вызывал лифт, и трижды прозрачная кабина приезжала, открывала двери и, не дождавшись пассажиров, уезжала обратно в шахту.

Наконец, Карлак поравнялся с ним. Он тяжело опёрся

о стену, восстанавливая дыхание, и лишь потом, с усилием, протянул ладонь к сенсору. Лифт послушно открылся.

Они вошли в кабину. Пол и стены здесь были прозрачными. Это было любимое и самое страшное место Дариуса. Кабина бесшумно сорвалась вниз, и город распахнулся перед ними, как на ладони. Аэтер-Прайм жил своей жизнью. Дариус прижался лицом к холодному стеклу пола, глядя, как уносятся вверх этажи, заполненные людьми. Он видел улицы-артерии Среднего уровня, по которым текли потоки серых комбинезонов, монорельсы, скользящие над пропастями, и далеко-далеко внизу — багровые сполохи Нижних уровней, где никогда не гаснет пламя заводов.

Город был прекрасен. Город был чудовищен. Он был огромным механизмом, и каждый дворф в нём — крошечной, идеально притёртой шестерёнкой. Кроме него. Дариус чувствовал себя не шестерёнкой. Он чувствовал себя... канарейкой. Яркой, звонкой, посаженной в золотую клетку на самом верху, чтобы петь для хозяина. Но песен его никто не ждал. От него ждали тишины и послушания.

Карлакс стоял рядом, держась за поручень. Он смотрел не вниз, на город, а на мальчика. На то, как горят его глаза, как он жадно впитывает каждую деталь этого механизма, не понимая пока, что и сам он — всего лишь деталь. Самая дорогая, но деталь.

— Ваше Высочество, — тихо сказал Карлакс, когда лифт замедлил ход, приближаясь к уровню административной

башни. — Сегодня на центральной площади... будет показательное слушание.

Дариус оторвался от стекла и обернулся. Свет в кабине на секунду стал алым, отражаясь от стен Нижнего города.

— Слушание? — переспросил он. — Кого?

— Дворфийку, Ваше Высочество. Она... нарушила кодекс.

Дариус нахмурился. В его голове не укладывалось, как можно нарушить правила, которые просто описывают, как всё должно работать. Как можно нарушить гравитацию? Или состав воздуха?

— А что она сделала? — спросил он, и в его голосе вновь зазвенело то самое опасное «почему», от которого у наставников каменели лица.

Карлак помедлил. Он посмотрел на мальчика, на его чистые, не отягощённые знанием глаза, и впервые за многие десятилетия пожалел, что правда существует.

— Она захотела невозможного, Ваше Высочество, — уклончиво ответил старик. — Она захотела... то, что ей не положено.

Двери лифта открылись, впуская в стерильную тишину административного крыла приглушённый, далёкий гул толпы, собравшейся на площади Трёх Колоний.

Дариус вышел первым, но его лёгкость куда-то исчезла. Он больше не думал о гео-модулях и скучных уроках. Его взгляд был прикован к красным стенам коридора, а в ушах,

заглушая гул города, звучал тихий, усталый голос старого дворфа: «Она захотела то, что ей не положено».

Он не знал, чего именно она хотела. Но впервые в жизни ему отчаянно захотелось узнать, каково это — хотеть что-то по-настоящему. То, что не прописано в регламенте и не одобрено имплантом.

Они вышли из административной башни, и Дариус споткнулся о звук. Тяжелый, ритмичный топот тысяч ног, усиленный акустикой улицы-луча, бил по ушам. Мимо них, прямо ко входу в гравитационные шахты Нижних уровней, маршировал бесконечный поток рабочих. Серые комбинезоны, серые лица, пустые глаза, смотрящие строго перед собой. Энергетики, атмосферные химики, техники систем жизнеобеспечения — Дариус знал нашивки на рукавах. Сегодня была их утренняя смена. Они шли строем, не сворачивая, и принцу с наставником пришлось отступить к стене, уступая дорогу этой безликой реке.

Несколько минут Дариус стоял и смотрел на них. Толпа текла мимо, даже не поворачивая голов. Никто не взглянул на принца. Никто не поклонился. Для них он был просто еще одним препятствием на пути к лифтам. В этом было что-то жуткое и одновременно завораживающее — полное, абсолютное равнодушие. Мальчик замер, провожая глазами последние ряды. Его обычная непоседливость исчезла, уступив место глубокой, недетской задумчивости.

Карлак заметил это аномальное спокойствие. Старый

дворф забеспокоился. Такая тишина в его воспитаннике обычно предвещала слишком много вопросов.

— В показательных слушаниях нет ничего страшного, Ваше Высочество, — начал он, тщательно подбирая слова, будто шел по минному полю. Голос его звучал неуверенно. — Ваш отец, Его Превосходительство, настаивал, чтобы вы это видели. Это важный урок. Урок того, что нарушению Кодекса нет места в нашем идеальном обществе.

Дариус даже не повернул головы. Он смотрел вслед ушедшему строю, на серые спины, исчезающие в жерле лифтовой шахты.

— Понятно, — ответил он безучастно.

В этом коротком слове не было ни каприза, ни обиды. Была лишь пустота, в которую только что провалилось что-то важное. Карлак вздрогнул. Такой тон пугал его больше, чем любые детские вопросы.

Поток рабочих иссяк, освободив путь. Они направились к площади Трёх Колоний. Улица-луч, по которой они шли, была прямой, как стрела, и упиралась прямо в основание гигантской статуи. Она возвышалась в центре площади, подавляя всё вокруг своей циклопической массой. Двадцать пять метров черного мрамора с белыми прожилками, инкрустированного золотом и драгоценными камнями, добытыми в недрах Юпитера. Атмос. Кибер-бог. Отец.

Статуя стояла, вскинув руку в приветствии, и казалось, что её глаза смотрят прямо на тебя, куда бы ты ни пошел.

Это была иллюзия, конечно — просто хитрый расчет углов, но от этого становилось только страшнее. Ты всегда был в поле его зрения. Даже камень здесь следил за тобой.

На площади уже собралось около двух сотен дворфов. Они стояли плотной, взбудораженной толпой. Дариус сразу заметил, что их одежда была разношерстной — техники в комбинезонах, грузчики в робах, даже несколько клерков из административных секторов. Здесь были все, кого обычно не пускали на Верхний уровень.

— Все присутствующие, — тихо пояснил Карлак, наклоняясь к уху принца, — так или иначе выказывали анти-лояльность власти. Они обязаны присутствовать на процессах в профилактических целях.

— Значит, никто из них не пришел по своей воле? — Дариус обвел глазами толпу. — Потому что им жаль эту дворфийку?

Карлак замялся. Пауза затянулась.

— Нет, — ответил он наконец. — Это мероприятие было вписано в их рабочий график.

Они встали чуть поодаль, на небольшом возвышении у подножия статуи, откуда площадь просматривалась почти полностью. И тут Дариус услышал то, что не мог понять. Толпа гудела. Но это был не злой гул, не ропот недовольства. Там, внизу, люди переговаривались, кивали друг другу, и на их лицах... на их лицах горела радость. Они ликовали. В предвкушении.

— Чему они радуются? — выдохнул Дариус. Голос его сел. — Здесь же будут... убивать.

— Справедливости Кодекса, конечно, — на этот раз Карлак ответил слишком быстро, будто заученную фразу, которой пытался заглушить собственные сомнения.

— Разве это справедливость? — Дариус поднял на учителя глаза, полные такой боли, что старик невольно отшатнулся. — Они же ещё даже не знают, за что её будут судить.

— Это не имеет значения, — отчеканил Карлак, но его голос дрогнул. — Наше правосудие всегда справедливо. Кодекс точен и работает лишь на благо. — Он перевел дыхание и добавил уже мягче, положив сухую ладонь на плечо мальчика: — Слушай, что говорит представитель Корпуса правосудия. Ты должен это услышать.

Толпа затихла. Тишина упала на площадь, как тяжелый колокол. Из-за статуи, в сопровождении двух бойцов Внутренней службы безопасности, вывели женщину.

Она была молодой. Совсем молодой. Ее комбинезон был порван, лицо бледно, а в руках, прижав к груди, она держала младенца, закутанного в обрывок алой ткани — судя по всему, остаток её собственной рабочей робы. Ребенок не плакал. Он словно чувствовал, что плакать здесь нельзя.

Бойцы в красно-серой силовой броне, со знаками подразделения «Око Пустоты» на наплечниках, подвели её к черному мраморному возвышению. Представитель Корпуса — высокий, сухой дворф в безупречно белой мантии — едва

заметно кивнул. Один из охранников надавил рукой на плечо женщины, и она, не сопротивляясь, опустилась на колени лицом к толпе.

Представитель заговорил. Его голос, усиленный динамиками, разнесся над площадью, как раскат грома в ясном небе.

— Шесть недель назад была арестована Элис Ка 2/6, — голос был ровным, сухим, без тени эмоций. — За преступление против генетической чистоты народа Дворфов.

Толпа одобрительно загудела.

— Элис Ка 2/6 вступила в безнравственную связь с неизвестным дворфом мужского пола предположительно сорок четыре недели назад. Пособник преступления не обнаружен, однако ведется расследование на основе генетического маркера плода.

Младенец на руках женщины шевельнулся.

— Признание вины не требуется, так как оно уже в руках у виновной. — Голос представителя не изменился, когда он произносил эти слова. — По постановлению Корпуса правосудия принято решение об удалении Элис Ка 2/6 через декомпрессию шлюза в атмосферу планеты. Решение принято и обжалованию не подлежит.

Он закончил. И тогда толпа взорвалась. Они закивали, заулыбались, захлопали. Кто-то даже выкрикнул одобрительное «Слава Кодексу!». Они радовались приговору, не зная даже имени той, кого только что приговорили. Им было всё

равно. Главное — порядок восстановлен. Справедливость восторжествовала.

Дариус смотрел на это и чувствовал, как внутри него что-то холодное и липкое начинает расплзаться от груди к горлу. Это не укладывалось в голове. Совершенно.

Охранники подняли женщину с колен. Они не потащили её, не повезли — они повели пешком. Представитель дал знак толпе следовать за ними, и людское море послушно хлынуло по одному из лучей-улиц, ведущему к внешнему краю купола.

Карлакс легонько подтолкнул Дариуса в спину, приглашая идти.

— Неужели... — голос мальчика сорвался. Он обернулся к учителю, и в его глазах стояли слёзы, которые он изо всех сил пытался сдержать. — Неужели ей придется идти пешком все восемнадцать километров? До самого края купола? Это же... это же еще более жестоко. Идти туда, где тебя убьют, так долго...

— Таков порядок, — ответил Карлакс. Его лицо было непроницаемо, но рука, лежащая на плече Дариуса, чуть заметно дрожала. — И мы пойдем. Ты должен видеть весь процесс.

Они шли больше двух часов. Даже полный неумной энергии Дариус выбился из сил под конец этого пути. Ноги гудели, в висках стучала кровь, но он шел. Он не мог отвести взгляд от её спины — маленькой, ссутулившейся фигурки в

разорванном комбинезоне, которая несла свой крест впереди всей процессии. Алый лоскут на руках у неё трепетал на ветру, как знамя. Как знамя боли.

Наконец, они дошли. Край купола. Здесь, у подножия стены из особого сплава, способного выдержать чудовищное давление Юпитера, ветер завывал особенно тоскливо. Силовой барьер пульсировал едва заметным голубым свечением, отделяя хрупкую жизнь города от кипящего хаоса снаружи.

— Приказ привести в исполнение немедленно! — выкрикнул представитель, и его голос эхом заметался среди металлических конструкций.

Повинуясь жесту, один из охранников открыл тяжелую герметичную дверь первого шлюза. Второй втолкнул внутрь женщину. Она не сопротивлялась. Её словно уже не было здесь. Он приковал её цепью к специальному кольцу в стене. Затем наклонился и положил младенца на пол, прямо перед ней. Не пристегнул. Просто оставил на холодном металле, как ненужный сверток.

Женщина посмотрела на ребенка. И впервые за всё время — заговорила. Тихо, одними губами, но Дариус, стоявший почти у самого стекла, прочитал:

— Прости.

Охранник вышел из шлюза. Тяжелая дверь с лязгом захлопнулась, отрезая их от внешнего мира. Он нажал кнопку на панели. Взвыла сирена. Красный свет замигал, окрашивая всё вокруг в цвет крови.

Вторая дверь, внешняя, начала медленно открываться.

Дариус зажмурился. Но сразу же открыл глаза. Он должен был смотреть. Ему сказали, что это урок. Он должен его выучить.

Разгерметизация не убила её мгновенно. Тело дворфа было крепким, созданным для тяжелых условий. И это стало самой страшной пыткой. Чудовищный поток ветра, насыщенный метаном и аммиаком, ворвался внутрь шлюза. Он ударил в неё, как живое чудовище. Он начал сдирать кожу. Лоскутами. Сначала с лица, потом с рук. Она закричала. Это был не просто крик — это был вой, который пробивался даже сквозь толстое стекло и вой сирены, пронзая сознание каждого присутствующего ледяной иглой ужаса.

Младенца поток вытянул первым. Красный лоскут мелькнул в воздухе, как последний взмах крыла бабочки, и исчез в багровой мгле Юпитера. Даже не пискнул.

А она всё кричала. Ещё несколько секунд. Дариус видел, как ветер обглаживает её лицо до костей, как плоть отделяется от тела и уносится в бездну, как глаза — живые, полные боли глаза — смотрят сквозь стекло прямо на него.

Ему показалось, что она его видит. Видит маленького принца в красном с золотом мундире, который пришел посмотреть на её смерть.

И тогда он заплакал. Не сдержался. Огромные, горячие слёзы градом покатались по его щекам, застилая глаза. Он не вытирал их. Он стоял, вцепившись побелевшими пальцами

в поручень ограждения, и смотрел, как агония превращает человека в ничто.

Толпа вокруг молчала. Но это было не потрясенное молчание. Это было молчание удовлетворения. Свершилось. Кодекс восстановлен. Справедливость восторжествовала.

Наконец, крик стих. Шлюз опустел. Только рваные лоскуты кожи ещё бились о стены, подхваченные затихающим вихрем.

Охранник нажал кнопку, и внешняя дверь медленно закрылась, отсекая пустоту. Внутренняя дверь открылась, выпуская наружу разреженный, воняющий озоном и горелой плотью воздух.

— Процесс окончен, — объявил представитель Корпуса правосудия. — Все свободны.

Толпа начала расходиться. Люди переговаривались, обсуждая детали казни, как обсуждают погоду или качество синтезированного завтрака. Кто-то даже смеялся.

Дариус стоял не двигаясь. Он смотрел на пустой шлюз, на цепь, которая всё ещё болталась на кольце, на маленькое кровавое пятно там, где минуту назад лежал ребёнок.

Карлак тронул его за плечо.

— Пойдем, Ваше Высочество. Вам нужно вернуться во дворец. У вас скоро урок по истории становления Империи.

Дариус медленно повернулся. Наставник смотрел на него, и в его старых глазах плескалось что-то, чего мальчик никогда раньше не видел. Стыд? Боль? Он не знал.

— Учитель Карлакс, — голос Дариуса был хриплым и тихим. — Она ведь просто хотела любить. И родить своего ребенка. Почему это преступление?

Карлакс открыл рот, чтобы ответить. И закрыл. Он не знал, что сказать. Потому что впервые за сотни лет своей службы он тоже задал себе этот вопрос. И не нашел ответа.

— Пойдемте, Ваше Высочество, — только и повторил он.

И они пошли обратно, сквозь расходящуюся, довольную толпу. Маленький принц в красном мундире с золотым гербом, на котором роза истекала кровавыми слезами, и старый наставник, который только что понял, что всю свою жизнь служил неправильному богу.

В груди у Дариуса, там, где полагалось биться сердцу, поселилась ледяная пустота. И в этой пустоте, на самом дне, зажглась крошечная, но нестерпимо яркая искра. Искра вопроса. Искра боли. Искра, которой суждено было стать пожаром, спалившим дотла всю его жизнь.

За ними прибыл транспортный скиф административной башни — юркая, стрекозоподобная машина с кабиной из тонированного стекла, бесшумно зависшая в метре от поверхности. Дариус позволил усадить себя в пассажирское кресло, даже не взглянув на пилота. Скиф взмыл в пустоту между уровнями, и город раскинулся под ними своей геометрической бесконечностью: прямые лучи-улицы, правильные окружности площадей, идеальные грани башен. Сверху это выглядело как чертёж. Как застывшая математическая форма.

мула, в которой не было места жизни.

Дариус смотрел в окно, но ничего не видел. Перед глазами всё ещё стояло другое: алый лоскут, уносимый ветром; женское лицо, обгладываемое до костей; цепь, бьющая о стену пустого шлюза. Гул двигателей скифа сливался с гулом в его голове, и сквозь этот гул пробивался лишь один вопрос, пульсирующий, как зубная боль: «Зачем нужна такая стабильность? Что это за стабильность, когда убивают ни в чём не повинных людей?»

Он знал биологию. Он знал, что размножение — естественный процесс для любого живого организма. Именно поэтому отцы-основатели Империи и создали генетическую программу дворфов — чтобы исключить саму возможность естественного воспроизводства. Чтобы контролировать каждое новое тело, каждую новую личность, каждый новый виток «эволюции» по чертежу. Но если контроль требует убивать тех, кто всё же осмелился быть живым... тогда какой ценой даётся эта хваленая стабильность?

— ...поэтому расписание и изменилось, Ваше Высочество, — донёсся до него голос Карлакса. Старый наставник говорил ровно, размеренно, будто ничего не случилось. — На уроках управления много ходят по объектам, а мы с вами и так сегодня уже изрядно прошли. «Парад справедливости» отнимает силы, и Его Превосходительство наверняка учёл это, когда утверждал новый план.

Дариус молчал. Он даже не повернул головы. Карлакс,

верный своему долгу, продолжал вещать, заполняя тишину словами, но мальчик не слышал их. Только сейчас до него дошло: они летят не в учебный корпус, а в гео-модуль. Когда наставник сказал про урок истории? Тогда, у шлюза? Или после? Дариус не помнил. Воспоминания о последних часах распались на обрывки, как плоть той женщины под ураганом.

Он наконец повернулся к Карлаксу и спросил сухо, безучастно:

— Так какой урок будет сейчас? По истории или по управлению?

Карлакс на мгновение замялся, но быстро взял себя в руки.

— История, Ваше Высочество. Но проводить мы его будем в гео-модуле. Мне сообщили об изменении, пока мы шли... — он запнулся, не договорив «на казнь». — Пока мы были заняты. Урок истории становления Империи. Вы будете его слушать, а после, если останутся силы и время, я покажу вам работу систем управления на практике.

Дариус кивнул и снова уставился в окно. Ему было всё равно. История Империи, которую он знал наизусть с пяти лет, была таким же набором мёртвых формул, как и сам город. Победные марши, подвиги первых поколений, мудрость Атмоса. Ни слова о тех, кого раздавили колёса этого механизма. Ни слова о таких, как Элис Ка 2/6.

Скиф летел ещё минут пятнадцать, лавируя между опора-

ми и транспортными магистральями, пока не причалил к посадочной платформе у одного из технических уровней. Это был не Нижний уровень, но и не Средний — нечто промежуточное, серое, функциональное, где пахло машинным маслом и озоном, а стены вибрировали от работы мощных насосов.

Они спустились на лифте в мрачный, слабо освещённый коридор. Красные лампы аварийного освещения горели здесь через одну, создавая зловещую игру теней. Пройдя несколько десятков метров, они оказались в вестибюле геомодуля. И здесь, вопреки мраку коридора, было светло.

Добрую половину дальней стены занимало огромное окно, усиленное пульсирующим силовым щитом. За ним, во всей своей непостижимой красе, клубился Юпитер. Бесконечные вихри цвета слоновой кости, охры и запёкшейся крови переплетались в медленном, величественном танце, уходя в бездонную глубину. Где-то там, в этой бездне, секунду назад исчез красный лоскут. Дариус смотрел на бурю и чувствовал, как внутри него закипает такая же буря.

Из-за стойки администратора вышел дворф средних лет, приземистый, с длинной, чуть тронутой сединой бородой и залысиной на лбу. Его красно-оранжевый комбинезон был безупречно чист, а на груди красовалась нашивка — стилизованные изображения Юпитера и Сатурна рядом. Администратор Хелфорд. Он бывал здесь с Карлаксом не раз.

— Ваше Высочество, — Хелфорд низко поклонился, за-

тем шагнул к Карлаксу и крепко пожал ему руку. — Приветствую. Сегодня будете заниматься у нас?

— Да, Хелфорд, — ответил Карлакс. — Нам нужен кабинет.

— Свободен кабинет второго администратора, рядом с моим. — Хелфорд указал рукой в сторону проёма справа от окна. — Я провожу.

Они вышли в ярко освещённый коридор, разительно отличающийся от мрачного вестибюля. Здесь было стерильно чисто, белые стены, ровный свет. Десятки одинаковых дверей тянулись вдоль коридора, пока они не дошли до самого конца, где располагались два смежных кабинета — дневной и ночной смены.

Хелфорд распахнул дверь и жестом пригласил войти. Кабинет оказался небольшим, но функциональным. Большой стол с встроенным голоэкраном, на котором мерцали графики производительности сотрудников модуля и параметры работы систем. Удобное кресло для администратора, диван у стены, несколько терминалов.

— Можете располагаться, Ваше Высочество, — Хелфорд снова поклонился. — Компьютер и всё оборудование в вашем распоряжении. Я могу идти?

— Да, конечно, администратор Хелфорд, — ответил Дариус. Голос его прозвучал глухо, безжизненно.

Хелфорд бросил быстрый взгляд на Карлакса, словно спрашивая, всё ли в порядке, но старый наставник лишь

слегка качнул головой: не обращай внимания. Администратор вышел, плотно закрыв за собой дверь.

Дариус, не снимая редингота, плюхнулся в кресло администратора. Оно мягко приняло его тело, но мальчик не расслабился. Он сидел прямо, глядя на голоэкрэн, но не видя цифр. Его пальцы легли на подлокотники и застыли.

Карлак тяжело опустился на диван, вытянул уставшие ноги и откашлялся.

— Итак, Ваше Высочество. Тема сегодняшнего урока: «Становление Империи: от хаоса Пепельного века к порядку Атмоса».

Он начал говорить. Голос его журчал ровно, как ручей, пересказывая заученные наизусть догмы. О том, как люди и первые дворфы выживали в руинах после Великой войны. О том, как Атмос, ведомый гением и состраданием, объединил разрозненные колонии. О том, как была создана генетическая программа, чтобы навсегда искоренить конфликты, зависть, неравенство.

Дариус слушал. Но мысли его были далеко.

«Элис Ка 2/6» — это имя теперь звучало в нём набатом. Он вдруг понял, что означают эти цифры и буквы. Каждый дворф в Империи носил не имя, а код. Ка — имя учителя группы или учебного заведения, где прошло его первое обучение. 2 — номер поколения. 6 — личный номер в группе. Не человек, а ячейка в таблице. Шестерёнка в механизме. Даже её ребёнок, не успевший родиться, уже был бы учтён,

пронумерован, вписан в реестр, прежде чем стать личностью.

— ...благодаря генетической стабильности, мы достигли того, чего не могло достичь ни одно общество в истории, — вещал Карлак. — Полное отсутствие преступности на почве страсти, поскольку страсти контролируются на биохимическом уровне. Искоренение конфликтов из-за размножения и наследства, так как размножение происходит только в лабораториях по утверждённому плану. Идеальный порядок, Ваше Высочество. Порядок, о котором мечтали философы тысячелетиями.

«Порядок, — думал Дариус, глядя на вихри Юпитера за окном. — Порядок, при котором женщину с ребёнком сбрасывают в бездну только за то, что она осмелилась быть человеком. За то, что полюбила. За то, что подарила жизнь. Это ли порядок? Это ли стабильность?»

Внезапно, словно прозрев, он увидел главное. Не техническую сторону — её он знал давно. Он увидел суть. Атмос не создал идеальное общество. Атмос создал тюрьму. Самую совершенную тюрьму в истории, где заключённые не знают, что они заключённые, потому что с рождения запрограммированы не хотеть свободы. И те, кто всё же чувствует это желание — как Элис, как её неназванный возлюбленный, — подлежат уничтожению. Как бракованные детали.

— ...и в этом величие нашего Отца, — закончил Карлак очередной пассаж и с надеждой посмотрел на принца. — Ва-

ше Высочество, вы слушаете?

Дариус медленно повернул голову. Его глаза, что всего несколько часов назад горели живым огнём, — сейчас были спокойны. Но это было не спокойствие безмятежности. Это было спокойствие льда, за которым таится бездна.

— Я слушаю, учитель, — ответил он тихо. — Я слушаю очень внимательно.

Он снова посмотрел на окно, на бесконечный танец юпитерианских штормов. И там, в глубине его сознания, где только что поселилась ледяная пустота, начала разгораться искра. Не та, что согревает. Та, что прожигает. Подобная нейтронной звезде.

Он не усвоил урок, который хотел преподать ему отец. Он усвоил совсем другой. Он понял, что Атмос — тиран. Что стабильность Империи держится на костях тех, кто посмел быть живым. И что он, Дариус, принц этого мира, носит в себе проклятую способность чувствовать.

Однажды, поклялся он себе, глядя в багровые глубины Юпитера, он избавит свой народ от этой генетической программы. Он разрушит эту тюрьму. Даже если для этого придётся сжечь всё дотла.

Карлакс, заметив, что принц погрузился в себя, осторожно кашлянул:

— Ваше Высочество? Продолжим?

— Да, — ответил Дариус, не оборачиваясь. — Продолжайте, учитель. Расскажите мне ещё о том, как прекрасен

наш порядок.

И в его голосе впервые прозвучала сталь из которой куют клинки.

После урока Карлак повёл Дариуса по коридорам гео-мо-дуля. Они заглянули в комнату сканирования, где за пультами сидели техники-туннельщики. Один из них — молодой дворф с въевшейся в кожу машинной смазкой — увидев принца, вскочил, но Карлак жестом велел ему продолжать работу. Тихо и робко, но с гордостью начал объяснять Дариусу, как они сканируют недра Юпитера, прокладывая безопасные коридоры пониженного давления для гигантских краулеров.

— Понимаете, Ваше Высочество, — говорил он, водя пальцем по голографической карте, где пульсировали алые линии тектонических разломов, — мы ищем пути, где давление хотя бы вдвое ниже среднего. Всё равно тысячи бар, конечно, но для наших машин это предел. Сорок процентов краулеров мы теряем. — Он вздохнул. — То наша разведка ошибётся, то капитан не рассчитает.

Дариус слушал, и это было куда интереснее, чем вылизанная история Империи, которую вещал Карлак. В этих цифрах, в риске, в гибели машин и, наверное, людей, была настоящая жизнь. Не та, стерильная, что текла на Верхних уровнях. А та, что дышала, боролась и умирала по-настоящему.

Он думал о том, что сегодня стал костью в горле у отца. Он не такой, каким был задуман. Не идеальный винтик. Он

— сбой. Ошибка в программе. И от этого знания внутри разгорался не страх, а странное, холодное удовлетворение.

В комнату сканирования вошёл гвардеец «Ока Пустоты» в парадном красно-чёрном мундире. Даже не взглянув на техника, он наклонился к Карлаксу и что-то прошептал. Карлак побелел. Кивнул.

— Ваше Высочество, — голос его дрогнул, — урок окончен. Нам пора.

Дариус даже не спросил куда. Он знал.

Путь назад был знаком до мельчайших деталей. Коридор, лифт, посадочная площадка, скиф. Скиф взмыл в пустоту, но летел не в учебный корпус и не во дворец Дариуса. Он поднимался выше. К шпилью. К тронному залу.

На стыковочной площадке, когда гвардеец отошёл на несколько шагов, Карлак вдруг остановился и положил сухую ладонь на плечо мальчика. Дариус поднял на него глаза. Старый дворф смотрел на него так, как никогда раньше — не как на ученика, не как на принца. Как на... сына.

— Мальчик мой, — сказал он тихо, почти шёпотом. Голос его звучал непривычно — тепло, фамильярно, словно он сбросил маску идеального наставника. — Тебя ждёт очень долгая и очень насыщенная жизнь. То, что ты увидел и узнал сегодня, пригодится тебе на пути. И пусть... — он замаялся, на секунду прикрыл глаза, словно набираясь смелости, и закончил: — Пусть этот путь будет таким, каким хочешь именно ты. А не кто-то другой.

Эти слова упали в душу Дариуса, как семя в плодородную почву. Они стали светом, который он пронесёт сквозь все криосны и все битвы. Путеводной звездой.

Гвардеец нетерпеливо кашлянул, давая понять, что прощание затянулось. Дариус отступил на шаг, развернулся, чтобы идти, но на мгновение замер. Он обернулся. Карлак стоял, не двигаясь, и смотрел ему вслед. В глазах старика блестела влага.

— Спасибо, учитель Карлак! — крикнул Дариус, и голос его сорвался. Слёзы, которые он сдерживал весь день, наконец хлынули по щекам. Он не вытирал их. Пусть видят. Пусть знают, что он живой.

Гвардеец тронул его за плечо, и они пошли по бесконечным коридорам к тронному залу. Свет здесь был странным — он словно исходил ниоткуда и одновременно ото всюду. Особая система преломляющих труб создавала иллюзию, что стены светятся изнутри холодным, призрачным сиянием. Это была аллюзия, застывшая в архитектуре: так Атмос сломал генетику человека, создав дворфа — идеально преломлённый свет вместо живого пламени.

На стенах висели портреты и фотографии. Дворфы первого поколения. Дариус вглядывался в лица — многие были незнакомы, но некоторых он узнавал. Вот герцог одного из атмосферных городов. Вот адмирал флота. Вот администратор крупнейшего производства. Элита. Первое поколение занимало все ключевые посты. Почему? Ведь их срок жизни —

всего около 150–170 земных лет, 12–14 по юпитерианскому календарю. Уже родилось третье поколение. Другие дворфы — с другими программами, другими установками. Почему власть остаётся в руках стариков?

Этот вопрос грыз его, пока они шли. И ответ, когда он пришёл, был страшен: потому что первое поколение — единственное, которое ещё помнило, что такое быть людьми? Или потому что Атмос не доверяет более новым, более «стерильным» версиям? Или... потому что он сам боится одиночества и держит возле себя тех, кто был с ним у истоков?

Они вошли в тронный зал.

Дариус видел отца сотни раз. Но никогда — таким. Атмос был в буквальном смысле вплавлен в своё кресло. Пять портов на его кибернетическом теле пульсировали алым, соединяясь с системой города гибкими, похожими на вены кабелями. Глаза его горели ровным золотым светом. Он был не просто человеком в кресле — он был мозгом, сердцем, нервной системой этого чудовищного организма по имени Аэтер-Прайм.

Гвардеец, не доходя до трона, опустился на одно колено, вынул из ножен длинный клинок из титаниума, бережно положил его на вытянутые руки и склонил голову.

Дариус замер на мгновение, а потом последовал его примеру. У него не было оружия. Он просто опустился на колени и склонил голову, чувствуя, как холодный камень давит на кости.

— Приветствую тебя, сын, — голос Атмоса прокатился по залу, как раскат грома. В нём не было тепла. Вообще ничего человеческого. — Я слышал, ты сегодня принимал участие в «походе справедливости».

— Да, отец, — ответил Дариус. Голос дрожал, но он старался говорить ровно. — Было... интересно. Спасибо за ценный урок.

— Ты знаешь, почему ты здесь? — сменил тему Атмос, даже не взглянув на гвардейца.

— Догадываюсь.

— Догадываешься? — В голосе Кибер-короля послышалась ирония, смешанная с холодным любопытством.

Гвардеец, не поднимая головы, едва слышно шикнул на мальчика. Нельзя так говорить с богом. Дариус понял намёк.

— Прошу прощения, — поправился он. — Я думаю, что знаю. Но пока не уверен.

— Хорошо, — Атмос слегка наклонил голову. Кабели, соединяющие его с креслом, тихо зашуршали. — Я скажу тебе. Ты здесь потому, что болен. И нуждаешься в лечении.

«Болен». Дариус внутренне сжался. Он чувствовал себя здоровым. Более здоровым, чем все эти безэмоциональные куклы, что окружали его. Но он понимал: его болезнь — это чувства. А лечение — имплант. Или криосон. Или и то, и другое.

— Я считаю, — продолжал Атмос, и в его голосе на мгновение проступило нечто, похожее на гордость, — что у те-

бя есть все качества, достойные лидера. Сильного герцога. Придёт день, и дворфы покорят звёзды. Тогда ты станешь лидером экспансии. Архонтом экспансии.

Дариус замер. Архонт? Он? Нестабильный, «больной», с эмпатией, которую здесь считают пороком? Это звучало как насмешка. Или как ловушка.

— Но сегодня, — голос Атмоса вновь стал ровным, как гул машин, — тебе придётся уснуть. Твоим обучением займутся в будущем. Таймер на сто земных лет. Ты ничего не заметишь. Это не больно.

В зал бесшумно вкатили отсоединяемый модуль криокамеры. Его сопровождали двое специалистов в белых стерильных комбинезонах. Дариус смотрел на камеру — идеально гладкую, с прозрачной крышкой, внутри которой уже клубился холодный пар.

«Наказание за мои эмоции», — подумал он. Внутри всё сжалось в тугий узел.

— Расположите моего сына так, — Атмос величественно повёл рукой над троном, — чтобы ему было удобно проспать следующее столетие.

Специалисты мягко, но настойчиво взяли Дариуса под локти. Один из них сделал укол — раствор вошёл в вену почти безболезненно, но по телу сразу разлилась приятная, обволакивающая теплота. Дариус позволил раздеть себя и надеть белый медицинский халат.

Он подошёл к камере. Забрался внутрь. Лёг на спину, гля-

дя в прозрачную крышку, за которой маячили размытые фигуры. Крышка медленно закрылась, отсекая звуки. Осталось только тихое жужжание систем и собственное дыхание, которое уже начинало сбиваться.

Камера начала заполняться специальной жидкостью. Сначала холодно, потом тепло. Дариус чувствовал, как она поднимается выше, выше, заливая уши, закрывает глаза. Но он не запаниковал. Он держался за одну единственную мысль. Она пульсировала в нём ярче, чем любой страх.

Я освобожу свой народ от рабства. Я освобожу их.

Сознание поплыло, разбиваясь на тысячи осколков. Последнее, что он увидел перед тем, как тьма поглотила всё, — лицо Карлакса, его глаза, полные слёз, и алый лоскут, улетающий в бездну.

Жидкость заполнила камеру до краёв. Дариус застыл, как муха в янтаре, — прекрасный, замороженный принц, которому суждено было проснуться в другом мире. И даже сквозь толщу ледяного сна, сквозь столетия забвения, в нём теплилась та самая искра. Единственное, что не смог погасить даже бог.

Крышка камеры навсегда запечатала его улыбку.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.